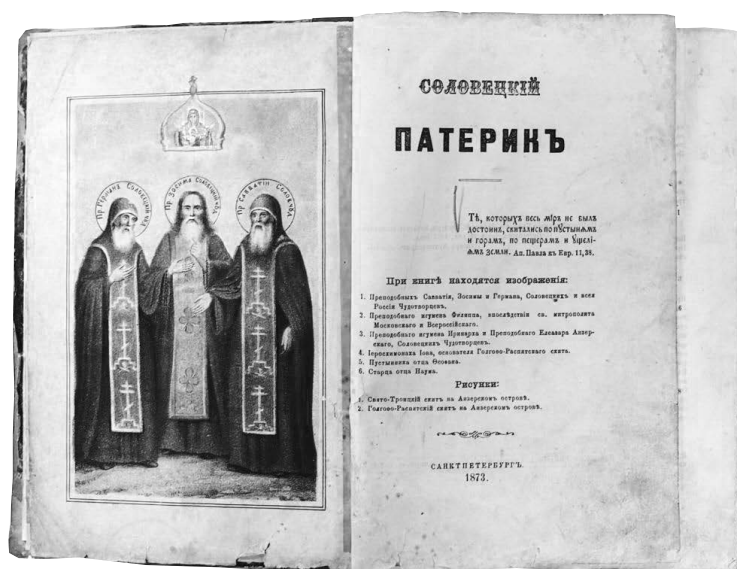

Олег ПАНЧЕНКО

Об одном незавершённом проекте архимандрита Порфирия (Карабиневича), или как создавался «Соловецкий патерик» (1873 г.)

или как создавался «Соловецкий патерик» (1873 г.)

...Смала в родной семье я привык слышать святые имена Зосимы и Савватия, привык видеть икону их, Соловецкий патерик любимейшая моя была книга, а литографированные картинные его первую мою были картинною галерею...

*Борис Шергин, запись
в дневнике 1942 г.¹*

«Соловецкий патерик» был для Б.В. Шергина и для многих до сих пор остаётся

одной из «любимейших книг» по истории Соловецкого монастыря. С неё обычно и начинается знакомство с житиями его преподобных отцов. Первое издание книги вышло в свет в 1873 г.² Затем, до революции, она была переиздана ещё трижды: в 1895, 1906 и 1914 гг.³, и уже в наше время, после длительной эпохи богоборчества, вышли в свет ещё два её репринтных издания (в 1991 и 2010 г.)⁴.

Однако история подготовки печатного издания «Соловецкого патерика» до недавнего времени оставалась загадкой; неизвестны были и имена его авторов. Ведь не сохранилось ни черновиков этой книги, ни подготовительных к ней материалов, а создатели её по смирению утаили свои имена. Однако разыскания последних лет позволили пролить некоторый свет на историю её создания. Как оказалось, основную роль в этом сыграли два автора — соловецкий иеромонах Николай (Кошурников) (1821–1875) и петербургский церковный литератор Николай Васильевич Елагин (1817–1891)⁵.

Имя последнего было недавно установлено московским историком И.В. Семененко-Басиным. Занимаясь изучением литературного архива Елагина, он обнаружил, что

¹ Шергин Б.В. Жизнь живая: Из дневников разных лет. М., 1992. С. 13.

² Соловецкий патерик. СПб., 1873.

³ Соловецкий патерик. [2-е изд.]. М., 1885; То же. [3-е изд.]. М., 1906; То же. [4-е изд.]. СПб., 1914.

⁴ Соловецкий патерик. [репринт 3-го изд.]. М., 1991; То же. [репринт 1-го изд.]. Соловки, 2010. (Далее все цитаты приводятся по соловецкому изданию).

⁵ Панченко О.В. Забытый соловецкий агиограф иеромонах Николай Кошурников: (Об участии соловецких авторов в создании «Соловецкого патерика» 1873 г.) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 414–422; Семененко-Басин И.В. Авторство печатного «Соловецкого патерика» 1873 года // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 405–413.

в переписке писателя с церковными иерархами несколько раз упоминается о подготовке им в 1872–1873 гг. «Истории Соловецкого монастыря» (так, впрочем, и оставшейся ненаписанной) и «Соловецкого патерика»⁶. При этом Н.В. Елагин говорит о себе только как о составителе и издателе этих книг, но, к сожалению, ничего не сообщает о других авторах.

Имя же соловецкого автора патерика долгое время было сокрыто «за семью печатями». Но в результате многолетних поисков нам удалось обнаружить в нескольких малоизвестных изданиях, не связанных прямо с темой патерика, несколько глухих ссылок, косвенно свидетельствующих об авторстве некоего «отца Николая»⁷. Дальнейшие поиски в архиве Соловецкого монастыря позволили отождествить его с отцом Николаем (Кошурниковым), смотрителем училища для «безбрадных трудников» при Соловецком монастыре⁸. Впоследствии, в результате разысканий уже о самом отце Николае (Кошурникове), нам выпала редкая удача отыскать мемуарную статью о нём И.Я. Сырцова, содержащую ценные сведения об обстоятельствах создания «Соловецкого патерика»⁹. Будучи послушником и личным секретарём архимандрита Порфирия (Карабиневича), И.Я. Сырцов был посвящён в подробности этого издательского проекта и рассказал о нём, что называется, «из первых уст». По его воспоминаниям инициатором подготовки этого издания был уже упомянутый

петербургский литератор Н.В. Елагин, а основную роль в его создании сыграл скромный соловецкий труженик отец Николай (Кошурников). Но рассказом обо всём по порядку.

По словам Сырцова, во время своего приезда на Соловки в 1863 г. Н.В. Елагин, «посоветовал архимандриту Порфирию написать подробную историю Соловецкого монастыря», которая должна была включать рассказ обо всех подвижниках святой обители и известных деятелях русской истории, вышедших из её стен (таких, как митрополит Филипп, Авраамий Палицын, патриарх Никон и др.)¹⁰. Идея соловецкому настоятелю очень понравилась. и, зная об успешном опыте Елагина на писательском поприще, он предложил ему взять этот труд на себя. Именно в эти годы Елагиным были изданы два фундаментальных жизнеописания русских святых — святителя Тихона Задонского (1861)¹¹ и преподобного Серафима Саровского (1863).¹² В это же время он готовил к изданию ещё две книги, посвящённые русскому монашеству: «Предание и устав преподобного Нила Сорского»¹³ (с приложением посланий прп. Нила и его жизнеописания, составленного самим Елагиным) и историческое описание Валаамской обители¹⁴ (обе книги вышли в свет в 1864 г.).

Очевидно, архимандрит Порфирий и сам предполагал участвовать в подготовке «Истории Соловецкого монастыря». С этой целью он в том же году распорядился составить генеральную опись документов монастырского архива, рассчитывая таким образом найти новые материалы по истории обители¹⁵. Затем, опираясь на архивные источники, он написал биографический очерк об Иове Анзерском, который был опубликован в конце

⁶ Там же. С. 407–410.

⁷ В частности, об авторстве «отца Николая» писал М.А. Колчин, исследователь истории соловецкой ссылки. В очерке, посвящённом ссыльному поручику М.А. Шумскому (сыну графа А.А. Аракчеева), он сообщает следующее: «Единственный в то время развитой человек, иеромонах Николай (автор Соловецкого патерика и акафиста прп. Савватию и Зосиме), был частым его собеседником, и под влиянием его Шумский до того увлёкся монашеством, что решился принять монашество и получить от государя разрешение поступить в число послушников Соловецкого монастыря» (*Колчин М.А. Флигель-адъютант Михаил Андреевич Шумский в Соловках // Русская старина. СПб., 1887. Т. 54. С. 146*). Впрочем, это известие носит явно легендарный характер, поскольку подлинное прошение Шумского о зачислении его в послушники датировано 1836 г., в то время как отец Николай прибыл на Соловки только в 1845 г. На авторство отца Николая ссылался и архимандрит Никодим (Кононов), упомянувший о нём в одном из томов «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия 18 и 19 вв.» (Август. М., 1909. С. 216–217). Своё повествование о соловецких схимниках Иларию и Матфее он начинает в нём такими словами: «Не можем не указать и на эти две светлые звезды иноческого подвижничества», — писал соловецкий инок о. Николай...» и т. д. (Там же. С. 216).

⁸ Искренне благодарю за советы и помощь в разыскании архивных источников А.А. Богомазову и Н.С. Копытову.

⁹ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай, наставник и смотритель соловецкого училища. (Некролог) // *Странник. СПб., 1875. Т. 1. № 3 (Март). С. 211–220*.

¹⁰ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 218–219.

¹¹ Жизнь святителя Христова Тихона I, епископа Воронежского и Елецкого, с присовокуплением избранных мест из его творений. М., 1861; 2-е изд.: Жизнь новоявленного угодника Божия Тихона. М., 1862.

¹² Житие старца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. СПб., 1863.

¹³ Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском в переводе на русский язык, с приложением всех других писаний его, извлечённых из рукописей. СПб., 1864. (Второе издание этой книги было выпущено Н. В. Елагиным в 1869 г.).

¹⁴ Валаамский монастырь. СПб., 1864.

¹⁵ Речь идёт о «Главной описи письменности ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» 1863 года (Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Д. 151. К сожалению, большая часть этой описи не сохранилась. До нас дошла лишь её последняя часть («часть 4, книга 1-я»), в которой описаны жалованные грамоты и иные документы, относящиеся к истории соловецких скитов.

1863 г. в журнале «Странник»¹⁶. (Впоследствии этот очерк вошёл, с небольшими дополнениями, и в состав «Соловецкого патерика».) Кроме того, некоторые из найденных им документов он опубликовал в журнале «Странник» в 1864 г. — под общим названием «К истории Соловецкой обители»¹⁷. В эту публикацию были включены два очерка, посвящённые памятным событиям в истории монастыря: 1-й — «Письмо святителя Димитрия Ростовского к соловецкому архимандриту Фирсу»; и 2-й — «Двукратное посещение Соловецкой обители Петром Великим».

Несомненно, архимандрит Порфирий планировал и в дальнейшем продолжить свои архивные разыскания по истории монастыря и их публикацию, но болезнь и преждевременная смерть в 1865 г. не дали осуществиться его замыслам.

На помощь учёного настоятеля Соловецкого монастыря, безусловно, рассчитывал и сам Н.В. Елагин, принимая на себя труд составления «Истории Соловецкого монастыря». Ведь все изданные им ранее книги были подготовлены в сотрудничестве с другими авторами: «Житие святителя Тихона Задонского» — с профессором МДА П.С. Казанским¹⁸; «Житие прп. Серафима Саровского» — на основе труда библиотекаря Саровской пустыни Иакова (Невельского) и игумена Серафима (1858–1872) и материалов, полученных от Н.А. Мотовилова¹⁹; историческое описание Валаамского монастыря — благодаря сочинению двух валаамских насельников: иеромонаха Пимена (Гаврилова) и иеродиакона Евфимия (Головки)²⁰. В каждом из этих случаев Н.В. Елагин, по словам современного исследователя его творчества, выполнял лишь «функции редактора, составителя

и издателя»²¹. Подобное распределение обязанностей, по-видимому, предполагалось и в отношении задуманной ими с архимандритом Порфирием «Истории Соловецкого монастыря».

Однако после кончины настоятеля заниматься подготовкой издания «Истории Соловецкого монастыря» на Соловках стало практически никому. Единственным образованным человеком, по словам И.Я. Сырцова, был смотритель училища для крестьянских детей иеромонах Николай (Кошурников): «при богословском образовании, он был начитан в высшей степени» и «знал содержание, кажется, всех книг, составляющих богатую соловецкую библиотеку, и написал подробную опись их»²². Правда, в течение некоторого времени в монастыре оставался и сам И.Я. Сырцов — «послушник Иоасаф», но вскоре он поступил в Архангельскую духовную семинарию и покинул монастырь²³. Незадолго до этого он написал биографический очерк о прп. Елеазаре Анзерском, который был опубликован в «Архангельских губернских ведомостях» (1867)²⁴. Позднее, уже будучи студентом старшего курса семинарии, он составил новую редакцию очерка о прп. Елеазаре (1672), дополнив её сведениями из монастырского архива²⁵. (Как нам удалось установить, текст этой редакции был тогда же использован отцом Николаем в качестве главы о прп. Елеазаре в «Соловецком патерике»).

Оставшись единственным человеком, способным к литературной деятельности, отец Николай добровольно взял на себя труд по подготовке «Истории Соловецкого монастыря». Главное, что побуждало его это сделать, было понимание того, что одному Н.В. Елагину с этой

¹⁶ Порфирий (Карабиневич), архим. Священноинок Иов, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове (в мире духовник императора Петра I): Биографический очерк // Странник. СПб., 1863. Т. 4. Декабрь. С. 89–111. Список источников, использованных в работе над этим трудом, указан в статье С.К. Севастьяновой (Севастьянова С.К. «Священноинок Иов, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове (в мире духовник императора Петра I)» соловецкого архимандрита Порфирия — памятник соловецкой агиографии второй половины XIX в. // Вестник университета Российской академии образования. 1997. № 3. С. 140–142).

¹⁷ Порфирий (Карабиневич), архим. К истории Соловецкой обители // Странник. 1864. Сентябрь. С. 55–69.

¹⁸ См. об этом: Голубинский Е.Е. Памяти заслуженного профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского П.С. Казанского // Православное обозрение. М., 1878. С. 23; Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 254.

¹⁹ Степашкин В.А. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров, 2002. С. 5; Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич. С. 255.

²⁰ Там же. С. 255.

²¹ Там же. С. 254.

²² Сырцов И.Я. Иеромонах Николай.... С. 219.

²³ В Архангельскую духовную семинарию Сырцов поступил в 1868 г., а по окончании её был зачислен в Казанскую духовную академию (1874–1878). По окончании академии он написал магистерскую диссертацию «Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII столетии» (1881), за которую был удостоен степени магистра богословия (1882.). Впоследствии был ректором Костромской духовной семинарии (1897–1902) и протоиерем Костромского кафедрального собора (1902–1909). Памяти своего учителя он посвятил обширный биографический очерк: Сырцов И.Я. Архимандрит Порфирий (Карабиневич), настоятель Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1891. № 20. С. 277–293; № 21. С. 297–304; № 24. С. 349–353.

²⁴ Очерк опубликован в «Архангельских губернских ведомостях»: Сырцов И.Я. Преподобный Елеазар, положивший начало житию на Анзерском острове и основавший Анзерский скит, принадлежавший Соловецкому монастырю // Архангельские губернские ведомости. 1867. № 74, 76, 77.

²⁵ Сырцов И.Я. Преподобный Елеазар, основатель и строитель Троицкого Анзерского скита, принадлежащего Соловецкому монастырю // Странник. СПб., 1873. Т. 1. № 2. С. 53–86.

задачей не справиться, поскольку (как деликатно-иронически замечает Сырцов) «будущий автор не знал хорошо условий и духа жизни соловецкой, хотя и бывал два раза в обители. Притом, кроме печатных источников, он сперва не имел для истории ни малейших материалов»²⁶. Поэтому, как продолжает Сырцов, «о. Николай видел и предугадывал, что из начатого дела не выйдет много хорошего», если он сам не примет в этом участия: «Ему, как истинному сыну обители, не хотелось видеть историю жизни своих предшественников не в том свете, в каком она должна быть; а это мог бы сделать только человек вполне знакомый с духом иноческой соловецкой жизни. О. Николай добровольно принял на себя труд собирания и составления материалов для истории монастыря. Несколько месяцев он употребил только на извлечение материалов из библиотеки, ризницы, архива и устных преданий. Собрано было всё, что можно было собрать; оставалось только отослать материалы к автору. Но о. Николай не хотел отослать их в сыром виде: он привёл их в порядок, написал по ним несколько больших статей, и тогда уже отправил. Изготовленные таким образом материалы не требовали почти никакой переработки; историку оставалось только приложить их к известному отделу истории и напечатать. Он так и поступил. В 1874 году вышла в свет одна из трёх предполагаемых частей соловецкой истории, под рубрикой: «Соловецкий патерик». Этот труд, по литературному участию в нём о. Николая, хотя некоторые, помещённые в нём, его статьи и не носят на себе имени настоящего автора, останется лучшим памятником трудов и нашего образованного инока, к пользе обители и к славе Божией. Он же будет всегда напоминать братии о том благочестии, которым о. Николай отличался во всю свою жизнь. Описывая подвиги соловецких чудотворцев и других святых мужей, он вместе с тем излил на бумагу всё то, чем наполнена была, всецело преданная Богу, душа его...»²⁷

Действительно, роль отца Николая в создании «Соловецкого патерика» трудно переоценить. Он не только собрал житийные материалы о святых древних времён, но и тщательно дополнил их по материалам соловецкого архива. (В результате этого появилась, например, новая глава о прп. Елисее Сумском, составленная им на основе рассказа о чуде об иноке Елисее из «Жития прп. Зосимы и Савватия» и архивных данных). К подготовленным им статьям о соловецких святых он присоединил и два историко-биографических

Прп. Елеазар Анзерский
Гравюра с иконы, 1870-е гг.

очерка об анзерских преподобных Елеазаре и Иове, которые были составлены его соавторами — архимандритом Порфирием (в 1863 г.) и Иоасафом Сырцовым (в 1872 г.).

Кроме того, отец Николай записал устные предания о целой плеяде соловецких подвижников первой половины XIX в., о которых в монастыре ещё сохранялись живые воспоминания. При этом он использовал и келейные записки некоторых из них — иеросхимонахов Матфея и Иеронима (приведя обширные из дневников последнего, посвящённые «сердечному трезвению» и «умной» молитве)²⁸. В результате им было написано 13 новых глав о соловецких отцах XIX в. (начиная с повести о старце Науме и заканчивая рассказом о послушнике Иоанне Сорокине)²⁹. Все они вошли во 2-ю часть патерика.

В этом случае он, очевидно, следовал изначальному замыслу создания истории Соловецкого монастыря, сложившемуся ещё при архимандрите Порфирии, согласно которому исторический ряд соловецких преподобных должен был быть доведён до последних времён, включив в себя и подвижников XIX в., живших «на глазах наших»³⁰.

Воплощая этот замысел, отец Николай проявил подлинный литературный талант, найдя

²⁶ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 218.

²⁷ Там же. С. 219.

²⁸ Соловецкий патерик. С. 178, 185–191.

²⁹ Там же. С. 155–202.

³⁰ Соловецкий патерик. С. 136.

для своего повествования особую «патериковую» тональность³¹. Важную роль в них играет духовно сдержанный тон и доверительная интонация рассказчика, вызывающая у читателя сердечный отклик. Манере его повествования свойствен предельный лаконизм и точность в изображении деталей. При этом он охотно использует яркие метафоры и эпитеты, которые позволяют ему выразить теплоту своих чувств. Например, рассказывая о нестяжательности схимонаха Зосимы, он уподобляет его перелётной птице, которая ничего при себе не имеет, перелетая с места на место; подобным образом и отец Зосима, уходя из кельи, уносил с собой всё, что имел, — монашеское облачение. К этому он прибавляет, что единственным имуществом, которое осталось после его кончины, был монашеский пояс³².

Повествуя о подвигах соловецких иноков, отец Николай рассказывает о них зримо и просто, схватывая главную

особенность характера каждого из них.

Современная икона всех Соловецких святых. Фрагмент

³¹ Пожалуй, единственным исключением, выпадающим из этого ряда, является последний, 13-й, рассказ — о ссыльном старообрядце Иоанне Сорокине, который перед смертью «осознал своё заблуждение» и присоединившись к господствующей Церкви (Там же. С. 203–205). На фоне других рассказов, посвящённых аскетическим подвигам соловецких монахов, этот выделяется своей явной тенденциозностью и по стилю больше напоминает «душеполезную» статью о рассказавшемся старообрядце из церковного журнала синодального периода.

³² Там же. С. 182–183.

Например, в рассказе схимонаха Матфее, жившем в Голгофо-Распятском ските, он вспоминает, что тот «имел дар слёз, и в ночное время его рыдание слышалось в соседних кельях; церковного богослужения никогда не оставлял, и при сильных ветрах, иногда по глубокому снегу, ползком пробирался к храму»³³. В главе о монахе Памфиле он сообщает, что тот из послушания старцу всю жизнь подпоясывался, вместо ремня, толстой верёвкой. Вспоминая о духовной чуткости и прозорливости Памфила, он рассказывает историю о его духовной дружбе с юродивой Христиной, которую он выходил встречать на пристань в её приезды на Соловки, следуя одному внутреннему голосу³⁴.

Во всех этих рассказах отца Николая виден отпечаток того же литературного стиля, который был свойствен авторам древних патериков, умевших рассказывать о чудесном просто. Подобным образом и отец Николай охотно включает в своё повествование чудесные истории из жизни подвижников, порой очень страшные из-за действия в них тёмных сил. Например, в главе о том же монахе Памфиле он пересказывает «страшное видение», случившееся с подвижником в Филипповой пустыни, после чего у него «закрылся один глаз и искривилось лицо»: «Я видел тогда, — говорил Памфил впоследствии, — стоящего пред окном человека с огненными глазами, дышащего пламенем; он просился на ночлег; потом вся келья наполнилась чёрными воронами, которые с громким карканьем летали и кружились вокруг меня»³⁵.

Рассказы отца Николая о духовной брани соловецких старцев просты и конкретны, чем действительно напоминают истории из «Киево-Печерского патерика». Приведём в качестве примера ещё два небольших фрагмента, которые, по-видимому, отражают личные воспоминания иеромонаха отца Николая о кончине двух праведников. В первом он вспоминает о кончине схимонаха Андрея, «строгого подвижника, которого едва помнят нынешние иноки»: «В последние минуты жизни сатана окружил одр этого Андрея своим полчищем, дыша злобою и неистовством, чтобы смутить и поколебать подвижника в уповании на милость Божию. „О, как их окаянных много набралось сюда“, — восклицал старец, видя келью наполненную тёмными посетителями; но в то же время сподобился горней

³³ Там же. С. 200.

³⁴ Там же. С. 180–181.

³⁵ Соловецкий патерик. С. 181.

помощи и заступления, и духи злобы исчезли. „А, побежали, испугались Царицы Небесной“, — проговорил он с радостью»³⁶.

В другом случае он рассказывает о кончине схимонаха Матфея (упомянутого нами выше), который, умирая, увидел при одре своём ангелов. «„Вот стоят два Ангела“ — сказал он бывшему тут духовнику, и на вопрос: „Что они делают?“ — отвечал: „О чём-то разговаривают между собою“»³⁷.

Рассказы отца Николая, включённые в «Соловецкий патерик», наполнены личным чувством: в них присутствует живое воспоминание о его старших современниках, любящая память о них, стремление сохранить братское свидетельство о каждом из старцев в истории монастыря. Умелый рассказчик, отец Николай охотно включает в своё повествование их прямую речь, диалоги с ними, сохранившиеся в его памяти, выражая иногда с помощью одной фразы целую историю их жизни.

Язык всех глав, написанных отцом Николаем, густо насыщен словами и образами из Священного Писания, свидетельства о привычке автора к чтению церковных книг, а также к духовным беседам с учениками. По-видимому, в том же стиле и, главное, в той же тональности он вёл свои занятия и в училище с крестьянскими детьми³⁸. Без преувеличения можно сказать, что некоторые из написанных им глав о соловецких подвижниках XIX в. сопоставимы по литературному уровню с лучшими главами «Киево-Печерского патерика».

Таким образом, благодаря трудам о Николае (Кошурникова) работа над проектом написания «Истории Соловецкого монастыря», начатым ещё при архимандрите Порфирии, не прервалась и спустя 10 лет нашла воплощение в издании «Соловецкого патерика» (1873), представляющего собой «историю соловецкого подвижничества». Причём, как отметил И.Я. Сырцов, собранные им материалы были очень хорошо написаны и уже «не требовали почти никакой переработки». Но всё же текст их был отредактирован (и в значительной мере искажён) его соавтором и редактором книги Н.В. Елагиним, имевшим свой стиль и определённую систему идей, которые нашли отражение в тексте всей книги. Скажем теперь несколько слов и о нём.

***

Николай Васильевич Елагин (1817–1891) происходил из старинного дворянского рода; обучался в Первом кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, по окончании которого служил в кавалерии (1836–1840)³⁹. Затем он более 20 лет прослужил в Министерстве народного просвещения: в императорской Археографической комиссии (1841–1850) и в Санкт-Петербургском цензурном комитете (1848–1860). Современникам он запомнился как дотошный цензор, о невероятной придирчивости которого рассказывали многочисленные непридуманные истории⁴⁰. Например, он мог потребовать от автора исключить из книги упоминание о «мятежниках» (участниках восстания декабристов 1825 г.) или вычеркнуть из учебника физики выражение «силы природы» (на основании того, что «един Бог всемогущ»), или убрать из географической статьи известие, что в Сибири ездят на собаках (потребовав от автора подтверждение из Министерства внутренних дел)⁴¹. Особенно много неприятностей Елагин доставил автору сказки «Конёк-Горбунок»: на протяжении ряда лет он упорно отказывал П.П. Ершову в переиздании его книги, в которой царь был представлен в смешном виде и сварен в котле, а царица вышла замуж за Иванушку-дурочка⁴². В личной жизни Елагин отличался неумеренным благочестием, переходившим в «святошество» (эту черту его характера комически изобразил Н.С. Лесков в «Мелочах архиерейской жизни»)⁴³.

³⁹ Многогранная деятельность Н.В. Елагина на литературном поприще всесторонне освещена в статье отца Александра Берташа в «Православной энциклопедии» (см.: Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 253–257.

⁴⁰ Об этой странице в биографии Н.В. Елагина см.: Зотов В.Р. Петербург в 40-х годах // Исторический Вестник. 1890. № 5. С. 308; Елагин Николай Васильевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. 11а. Евреиновы-Жилон. С. 595; Чумиков А.А. Мои цензурные мытарства // Русская старина. 1899. № 9. С. 622; Ласкин А. Долгое путешествие с Дягилевыми (документальный роман). СПб., 2003.

⁴¹ Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич. С. 253; Блюм А.В. От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды по истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивным и литературным источникам. СПб., 2009. С. 55.

⁴² На просьбу о переиздании сказки в 1851 г. Н.В. Елагин дал такой отзыв: «По содержанию сказка предназначена для простого народа, и заключается в бытии не естественном, как царя сварили в котле, а царица вышла замуж за Иванушку-дурочка. <...> Полагаю такой рассказ не соответствующим понятиям и образованиям». На повторное обращение автора в 1854 г. он дал ещё более лаконичный ответ: «Сказка эта напечатана быть не может» (см.: Климова Д. М. Цензурная история сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Российская словесность: эстетика, теория, история. СПб.; Самара, 2007. С. 63–72).

⁴³ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1989. Т. 6. С. 256–257.

³⁶ Там же. С. 198–199.

³⁷ Там же. С. 200.

³⁸ В училище для «безбрадных трудников» отец Николай преподавал детям Священную историю и Закон Божий (о чём будет рассказано ниже).

В конце 1850-х гг. у Н.В. Елагина возникло желание принять монашеский постриг, о чём он спросил совета у святителя Феофана Затворника (с которым состоял в духовной переписке). В 1858–1860 гг. Н.В. Елагин опубликовал письма к нему святителя Феофана отдельным изданием⁴⁴. Он совершал частые паломничества в православные монастыри, в том числе на Соловки, Валаам, Афон и в Константинополь. В 1864 г. по его инициативе был создан Валдайский Короцкий женский монастырь во имя святителя Тихона Задонского, на который Н.В. Елагин пожертвовал значительные личные средства (более 10 тысяч рублей).

В отличие от иеромонаха Николая (Кошурникова), Елагин был не просто духовным писателем, но писателем-идеологом — общественным деятелем и публицистом. В эпоху великих реформ Александра II, затронувших различные сферы государственного устройства, он последовательно выступал с консервативных позиций «самодержавия, православия, народности». По словам его биографа, Елагин «рассматривал церковь, государство и народ в неразрывном единстве», и полагал, что «распространение в обществе науки, печати и образования ослабляют церковный дух и готовят почву для либерализма, а затем и нигилизма»⁴⁵. Для укрепления в народе церковного духа Н.В. Елагин и занимался его духовным просвещением, издавая жития святых, акафисты Богородице и многочисленные «назидательные» книги для народного чтения⁴⁶.

Будучи убеждённым противником общественных реформ в России, Елагин противостоял им пером публициста и активной издательской деятельностью. Ещё в конце 50-х гг. XIX в. он издал в Берлине сборник «Искандер Герцен» (1859), направленный против А.И. Герцена — главного идеолога общественных преобразований в России. По словам Елагина, сочинение своё он

написал «в опровержение клеветы и разрушительных замыслов Герцена, направленных к ослаблению веры, к низвержению всякой власти и к введению в России анархии»⁴⁷.

Не менее активную роль Елагин сыграл и в полемике по вопросам церковной жизни, развернувшейся в 1860–1870-х гг., в которой он твёрдо придерживался «официальной точки зрения Св. Синода»⁴⁸. Оставаясь на позициях традиционалиста и «охранителя», он противопоставлял идеям церковных реформ живую традицию русского монашества как неиссякаемого источника духовной силы Церкви. Именно с целью пропаганды монашества он занимался изданием аскетических сочинений, житий святых и исторических описаний монастырей, о которых уже было упомянуто выше: житий Тихона Задонского (1861) и Серафима Саровского (1863), «Предания и устава Нила Сорского» (1864), исторического описания Валаамского монастыря (1864). В этом же ряду следует рассматривать и его труд по составлению и изданию «Соловецкого патерика» (1873).

Взявшись за составление этой книги, он ставил перед собой задачу показать в ней живую преемственность монашеской традиции на Соловках, начиная от преподобных Савватия и Зосимы и доведя её до современных ему подвижников XIX в. Эту ключевую идею книги Елагин несколько патетически сформулировал в предисловии к патерику: «Наше повествование, начинаясь с основателей и первоначальников соловецкаго иночества, продолжается чрез ряд веков до настоящего времени. Святое семя иночества, насаждённое подвижническою рукою преподобных Зосимы и Савватия на дикий и необитаемый остров Студёного моря, не переставало приносить плоды до ближайшей к нам современности. Надеемся, что оно, при благословении Божиим, останется также плодоносно и на будущее время»⁴⁹.

В другой главе книги («Подвижничество») Елагин подчеркнул ещё одну важную для него идею: о роли монастырей и монашества в воспитании церковной иерархии. В эпоху реформ эта идея приобрела особую актуальность, поскольку в церковной публицистике горячо обсуждалась

⁴⁴ Феофан (Говоров), еп. Письма о христианской жизни. СПб., 1858–1860. Вып. 1–4.

⁴⁵ Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич. С. 257.

⁴⁶ Назовём только некоторые из изданных им книг для народного чтения, полный список которых приведён в упомянутой выше статье свящ. А. Берташа: «О чудотворно явленной Тихвинской иконе Божией Матери» (1864); «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» (СПб., 1870); «„Богородице Дево, радуйся!“: Изъяснение Богородичной молитвы» (1870); «Земная жизнь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (1871); «Житие святого благоверного великого князя Александра Невского в иночестве Алексия» (СПб., 1871); «О благодати Божией» (СПб., 1872); «Учение православной Церкви об Ангеле Хранителе» (СПб., 1872); «Учение Православной Церкви о Пресвятой Троице» (1872–1873). Кроме того, он издал акафисты чудотворным иконам Богородицы — «Всех скорбящих радость» (1863), Казанской (1868) и Тихвинской (1883) (Берташ А., свящ. Елагин Николай Васильевич. С. 255).

⁴⁷ Примечательна реакция А.И. Герцена на эту книгу. В ноябре 1859 г. он сообщал о ней писательнице М.А. Маркевич (известной по псевдонимом Марко Вовчок): «Если вы ещё не читали, достаньте книгу Елагина «Искандер Герцен», напечатанную в Берлине, — это поэма, мы с Огаревым» вечер целый катались со смеха...» (Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. М., 1962. Т. 26. Письма: 1856–1859. С. 305).

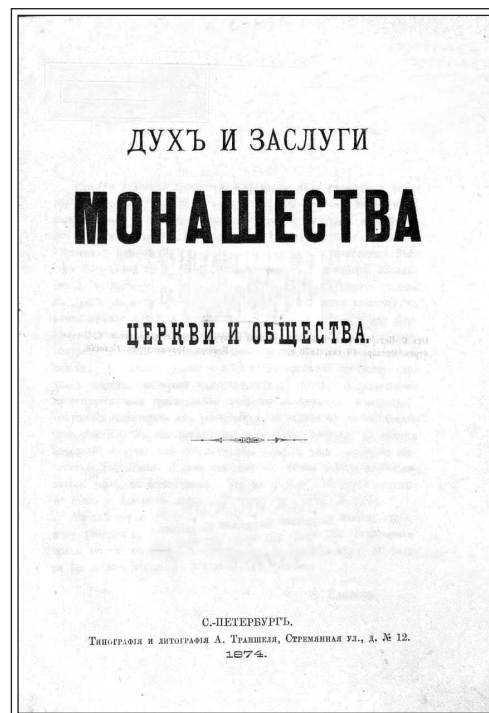
⁴⁸ Малышев В., свящ. Церковно-общественная публицистика в эпоху «великих реформ» // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 124.

⁴⁹ Соловецкий патерик. СПб., 1873. С. II.

проблемы взаимоотношения чёрного и белого духовенства⁵⁰, несовместимости монашества и епископского сана и даже возможности возведения представителей белого духовенства на архиерейский престол⁵¹. Поэтому Елагин столь скрупулёзно перечисляет весь ряд церковных иерархов, воспитанных в Соловецкой обители: «Кроме подвижников, просиявших в Соловецкой обители, в ней приняли монашество и духовно возросли приснопамятные иерархи Российской Церкви: патриархи Иоасаф I и Никон, митрополиты — Исидор новгородский, Иларион псковский, Игнатий тобольский, Рафаил астраханский, Иов новгородский; архиепископы — Маркелл вологодский и Варсонофий архангелогородский»⁵². Особое внимание он уделяет знаменитому воспитаннику Анзерского скита патриарху Никону и его духовному наставнику прп. Елеазару: «Патриарх Никон, оставивший в нашей церковной истории неизгладимую память, пострижен в иночество преподобным Елеазаром, основателем Анзерского скита, который и был первым местом строгих подвигов его. Здесь, в течение четырёх лет, Никон *созревал для будущих великих дел церковного управления...*»⁵³

Отметим, что почти одновременно с «Соловецким патериком» Н.В. Елагин издал ещё одну, идейно связанную с ним, книгу — «Дух и заслуги монашества для Церкви и общества» (1874), которую один из современных исследователей назвал «панегириком чёрному духовенству»⁵⁴. Можно сказать, что и изданный Елагиным патерик также

Дух и заслуги монашества. Издатель Н.В. Елагин

был задуман им как «панегирик» соловецкому монашеству.

Идеологические установки Елагина не могли не сказаться на его литературном стиле, который, по сравнению со стилем отца Николая, выглядит более рассудочным, назидательным и патетичным. Кроме того, язык его свидетельствует о начитанности автора в области житийной и аскетической литературы. В своём повествовании о соловецких подвижниках он часто использует такие возвышенные слова, как «безмолвие», «богомыслие», «самоотвержение», «смирномудрие» и т. п.⁵⁵ В сравнении с ним отец Николай (Кошурников) обходится почти без них. Избегая высокопарности, он рассказывает о монашеских подвигах своих старших современников просто и безыскусно. Да и сами их подвиги выглядят в изображении отца Николая «проще» и насущнее, заключаясь в каждодневных трудах поста и молитвы, послушания и борьбы с помыслами⁵⁶.

⁵⁰ Речь идёт, в частности, о критике монашества в книге профессора и инспектора Санкт-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова (Ростиславов Д.И. О православном белом и чёрном духовенстве в России: в 2-х томах. Лейпциг, 1866) и о своего рода «панегирике» чёрному духовенству в книге Н.В. Елагина «Дух и заслуги монашества для Церкви и общества» (СПб., 1874). В ней Елагин утверждает ту же важную для него идею, что и в Соловецком патерике: «Монастыри сделались местом приготовления к епископскому сану...» (с. 33).

⁵¹ Об этом, в частности, речь шла в статье ректора МДА протоиерея А.В. Горского (см.: Горский А. В. О сани епископском в отношении к монашеству в Церкви Восточной: Историческое обозрение) // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 21. 1862. Кн. 3).

⁵² Соловецкий патерик. С. 16–17. К числу воспитанников Соловецкой обители Елагин ошибочно отнёс и митрополита Новгородского Иова (1697–1716), бывшего в действительности постриженным Троице-Сергиевого монастыря. Впрочем, эту ошибку он унаследовал из книги архимандрита Досифея (Немчинова). См.: Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... В 3 ч. М., 1836. Ч. 1. С. 200–201.

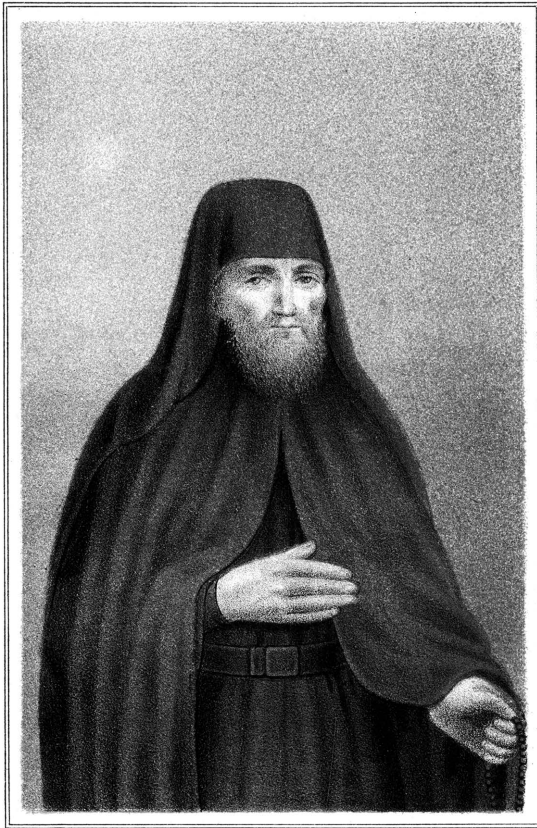
⁵³ Соловецкий патерик. С. 17.

⁵⁴ Мальшев В., священник. Церковно-общественная публицистика... С. 141.

⁵⁵ В «Соловецком патерике» упоминание о подвигах «безмолвия» и «богомыслия» содержится в главах, посвящённых прп. Савватию, Зосиме, святителю Филиппу, игумену Иринарху, старцу Науму и иеросхимонаху Иерониму. Очевидно, познакомившись с духовной практикой святогорских исихастов во время своего путешествия на Афон, Н. В. Елагин и в описании житий соловецких угодников уделил особое внимание аскетико-созерцательной стороне монашеского подвига.

⁵⁶ Не это ли имел в виду И.Я. Сырцов, когда он отметил с еле заметной иронией, что Н.В. Елагин, как человек книжный, «не знал хорошо условий и духа жизни соловецкой, хотя и бывал два раза в обители...» (Там же. С. 218).

ОТЕЦЪ ФЕОФАНЪ,
подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1819 году.

Примечательно, что когда оба писателя говорят об одних и тех же духовных предметах, то используют разные понятия. То, что Кошурников называет «воздержанием», Елагин высокопарно именует «самоотвержением», а вместо слова «смирение» использует более высокое «смиреномудрие». Указанное различие в стиле двух авторов, как уже было сказано, было связано с установкой Н.В. Елагина на «назидание» и «духовное просвещение» читателей. Следуя ей, он неизбежно прибегает к патетике, к высокопарным фразам и литературным штампам, использует расхожие метафоры и эпитеты, смешивая церковнославянизмы с канцеляризмами⁵⁷. Стиль Елагина рассу-

⁵⁷ Вот один из характерных образцов его стиля: «В течение пяти веков своего существования Соловецкая обитель, служа для всего северного края нашего отечества рассадником веры и благочестия, воспитала много истинных рабов Божиих. Одни обрели спасение в трудах послушания и иночества, другие оставили по себе память просветительною деятельностью среди северных инородцев <...> Не говорим уже о бесчисленном сонме иноков, которые, взяв свой крест, последовали за Божественным Крестоносцем и достигли блаженной вечности, не знаемые миром, в совершенном смирении и полной безвестности. <...> Святое семя иночества, насажденное подвижническою рукою преподобных Зосимы и Савватия на дикий и необитаемый остров студёного моря, не переставало приносить плоды до ближайшей к нам современности» (Соловецкий патерик. С. I–II).

дочно-патетичен, но не тёпл, как у отца Николая (Кошурникова).

Другой отличительной особенностью литературной манеры Н.В. Елагина является его привычка к самоцензуре и стремление следовать официальным установкам синодального ведомства, выработанные, по-видимому, за годы его службы в цензурном комитете. Редактируя жизнеописания святых, он аккуратно исправлял в них все те места, которые, с его точки зрения, не вполне соответствовали неписанным нормам синодальных изданий. При этом особую осторожность он проявлял в изображении любых проявлений «чудесного», — например, явлений святых или, напротив, всякого рода бесовских «искушений», описания которых нередко встречаются в житиях преподобных.

Например, в главе о пустынножителе Феофане он заменил слова о нападении на святого «нечистых бѣсов» (читавшиеся в житии этого подвижника) фразой о нападении на него «злых людей», якобы хотевших его ограбить («Незадолго до кончины Феофана, злые люди, ища у старца денег, били его, сорвали волосы на голове и бороде, горячею головнёю опалили всё его тело, и, оставив едва живым, ушли»).⁵⁸ Или, например, он исключил из той же главы о пустыннике Феофане рассказ о завещании подвижника своему ученику бросить его тело после кончины в море, очевидно, посчитав этот эпизод слишком «соблазнительным» с точки зрения синодальной цензуры⁵⁹.

Аналогичное исправление было сделано Елагиным и в главе, посвящённой прп. Иову Анзерскому. В эпизоде о явлении святому Богородицы, повелевшей ему создать скит на горе

⁵⁸ Соловецкий патерик. С. 153. Приведём соответствующий фрагмент из Жития пустынника Феофана, в котором рассказывается о нападении на него бесов: «1818 года месяца ноября, въ нѣкое время стоящу пустыннику Феофану на молитвѣ, приидоша злобнии дуси во многой толпѣ и, Божиимъ поущениемъ, на большее искушение рабу Божию, да, многая претерпѣвъ бѣсовская томления, большее въ будущемъ вѣцѣ приметь воздаяние. Тии, глаголю, нечисти бѣсове, взшедше въ келлию, яростию дышуще, абие начаша мучити пустытника. <...> Бѣси же, молитву препинающе и словеса его повторяюще, мучаху различно: овии бяху жезлиемо, овии же руками щипаху, инии ногами велми попирающе, хребеть ему сокрушаху. Пустытникъ же мянше, яко уже хотятъ до смерти убити, простираше руки своя, хотя яти ихъ, но не можаше, понеже яко дымъ густый въ руцѣ обрѣташеся. По семь проклятии пси исторгоша власы главы и браны его и послѣдния, еже имѣ, зубы избиха. Горящей же в то время печи, вземше лютии бѣси огненную главню, опалиша всё тѣло его. Тако умучивше его и еле жива суца оставльше, отъидоша» (Руди Т.Р. Из истории поздней русской агиографии: Житие Феофана Соловецкого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 472).

⁵⁹ Там же. С. 475.

Голгофе, Елагин исправил следующую фразу, читавшуюся в тексте Жития прп. Иова: «В благоговейном страхе встал о. Иов с места и поклонился Владычице ликом до земли»⁶⁰. Под пером Елагина эта фраза приобрела совсем другой вид: «В благоговейном страхе, встав с места, он поклонился видению до земли»⁶¹. Замена слова «Владычица» на «видение», как и другие приведённые выше примеры, свидетельствует о крайней осторожности Елагина и привычке просеивать редактируемые им тексты сквозь тонкое «сито» *допустимого* и *дозволенного*, снискавшей ему в прошлом репутацию придирчивого цензора.

Кроме того, Н.В. Елагин «украсил» текст патерика рядом сентенций духовного содержания (он любил и порой позволял себе рассуждать «о духовном»). Приведём в качестве примера два дополнения его на духовные темы из главы о пустыннике Феофане: «Господь очищает и возводит к высшему совершенству избранных своих разными путями, сообразно с их духовным состоянием. Доселе в Феофане было много добрых порывов, много благочестивых желаний, но не было полного отвержения своей воли и покорности воле Божией; не было непреклонной решимости к подвижничеству. Поэтому Господь вразумляет его скорбями и искушениями, чтобы укрепить его доброе желание»⁶². Ниже он добавляет ещё одно подобное изречение: «История всех подвижников показывает, что чем более успевали они поработать своё тело и отрешались от пристрастия к миру, тем сильнее враг спасения воздвигал на них борьбу»⁶³.

Подобные «*maximes et pensées*» были вполне в духе Елагина, и появление их в тексте «Соловецкого патерика» после его редактуры было вполне закономерно.

Что же касается собственно литературного участия Н.В. Елагина в создании текстов «Соловецкого патерика», то он, в отличие от отца Николая (Кошурникова), предпочитал не составлять оригинальные жизнеописания святых, а переводить их с церковнославянского на русский язык (с одновременным их сокращением), либо прибегал к компиляции их из уже готовых текстов.

Благодаря переводу (или, точнее, переложению) церковнославянских житий на русский язык им были составлены 7 глав «Соловецкого патерика» (а именно: главы о прп. Саввати, Зосиме, Германе, о пустынноиках Андрее и Дамиане

и др., о пустынноике Никифоре, о прп. игумене Иринархе и о пустынноике Феофане). При этом одновременно с сокращением переведённых им текстов Елагин старался дополнять их историческими сведениями из книги архимандрита Досифея (Немчинова)⁶⁴.

Прибегая к компиляции уже готовых текстов Н.В. Елагин составил ещё целый ряд патериковых рассказов (посвящённых свт. Филиппу, прп. Феодориту Кольскому, блаженным Иоанну и Лонгину Яренгским и, наконец, прп. Вассиану и Ионе Пертоминским). Во всех этих случаях он использовал тексты житий упомянутых святых в переложениях А.Н. Муравьёва⁶⁵ и архиепископа Филарета Гумилевского⁶⁶. Материалы для дополнений он черпал из того же драгоценного источника — «Исторического описания» архим. Досифея (Немчинова), которое, без преувеличений, было для него настольной книгой.

Кроме того, при написании глав о митрополите Филиппе и прп. Феодорите Кольском он использовал в качестве основного источника исследования двух современных ему историков церкви — епископа Леонида Краснопевкова и П.Д. Шестакова⁶⁷.

В целом Елагиным было составлено 11 глав «Соловецкого патерика» с жизнеописаниями святых, перечисленных нами выше. Кроме того, он сочинил ещё 4 главы, которые носят ярко выраженный оригинальный характер: Предисловие, Вступление, и Заключение, а также главу «Подвижничество»⁶⁸. Предисловие и Заключение связаны одной наиболее важной для Елагина

⁶⁴ Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание...

⁶⁵ Муравьёв А.Н. Жития святых российской церкви, также иверских и славянских. СПб., 1855–1858: Январь. С. 50–150 (Ж. св. Филиппа); Июнь. С. 137–138 (Ж. Вассиана и Ионы Пертоминских); Декабрь. С. 393, 396–399 (Ж. Трифона Печенгского, в состав которого входит рассказ о прп. Феодорите Кольском).

⁶⁶ Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов, 1861–1864. Отд. 1: Январь, 9 день. С. 18–41 (Ж. св. Филиппа); Отд. 2: Июнь, 12 день. С. 237–239 (Ж. Вассиана и Ионы Пертоминских); Отд. 2: Июль, 3 день. С. 329–331 (Ж. Иоанна и Лонгина Яренгских).

⁶⁷ Леонид (Краснопевков), епископ. Жизнь святого Филиппа, митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 2. С. 21–83, 127–194; Шестаков П.Д. Просветители Лопарей, архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // ЖМНП. СПб., 1868. Июль. Т. 139. С. 242–294.

⁶⁸ Н.В. Елагиным было также написано небольшое заключение к 1-й части патерика, оставленное им без заглавия (Там же. С. 136), которое служит своеобразным переходом от жизнеописаний древних соловецких святых, «живших во времена давно минувшие», к рассказам о подвижниках «нынешнего века» (которым посвящена 2-я часть книги).

⁶⁰ Порфирий (Карабиневич), архим. Священнонок Иов... С. 25.

⁶¹ Соловецкий патерик. С. 121.

⁶² Там же. С. 145.

⁶³ Там же. С. 150–151.

Духовная семинария в Вятке. Фотография начала XX в.

идеи: о непрерывности подвижнической традиции на Соловках, восходящей к преподобным основателям обители, с надеждой, что она не оскудеет и в дальнейшем⁶⁹. Наибольший интерес представляет Вступление, содержащее подробные сведения о церковных службах и повседневной жизни соловецкой братии, а также о монастырских должностях и послушаниях. Отметим, что во вступлении обнаруживаются многочисленные параллели с другой книгой, изданной Н.В. Елагиным несколько ранее, — описанием Валаамского монастыря (1864 г.), особенно с одной из его глав — под названием «Внутренняя монастырская жизнь»⁷⁰.

Занимаясь составлением «Соловецкого патерика», Н. В. Елагин, как уже было сказано, ориентировался, прежде всего, на готовые жизнеописания соловецких святых. Поэтому целый ряд соловецких подвижников XV–XVII вв., не имевших ранее написанных житий и сказаний, был оставлен им за рамками «Соловецкого патерика». Среди них оказались прп. Иоанн Свещеносец, Василий Новгородец, игумены Иаков и Антоний и некоторые другие⁷¹. Единственное исключение в этом ряду составляет прп. Елисей Сумский, чьё жизнеописание всё же было составлено специально для «Соловецкого патерика»; но автором его,

как нам удалось установить, оказался не Елагин, а отец Николай (Кошурников).

В целом Н.В. Елагин проделал очень большую работу в качестве составителя и редактора «Соловецкого патерика», а также автора нескольких глав. Кроме того, будучи образцовым издателем, он сопроводил текст книги эпиграфом, украсил её иллюстрациями и предпослал каждой из глав суммарий (передающий краткое содержание каждой главы). И всё же, несмотря на столь значительное участие Елагина

в создании патерика, на Соловках его автором считали одного отца Николая (Кошурникова) — по-видимому, сохраняя память о его литературных трудах и об удивительном писательском даре.

***

В заключительной части статьи постараемся представить читателю основные сведения о жизни отца Николая (Кошурникова) (1821–1875), которые нам удалось разыскать в документах соловецкого архива и в воспоминаниях И.Я. Сырцова.⁷²

Будущий автор «Соловецкого патерика» родился в 1821 г. в семье дьячка Ивана Кошурникова в селе Шестакове Слободского уезда Вятской губернии. В крещении он был наречён именем Никанор. Поступив в Вятскую духовную семинарию, он закончил её в 1840 г., в возрасте 19 лет. После этого в течение 5 лет служил учителем в Вятском уездном училище. Но, ощущая призвание к монашеству, оставил учительское поприще и ушёл на Соловки. Было ему тогда 24 года.

По воспоминаниям И.Я. Сырцова, отец Николай так впоследствии объяснил ему свой поступок: «Мне думалось, что ни звание преподавателя, ни звание приходского пастыря мне не доставят возможности угождать Богу в той мере, в какой

⁶⁹ Текст книги Н.В. Елагин завершает словами: «Ряд соловецких подвижников ещё не заключился и, по милости Божией, не закончится, пока будет стоять, среди волн моря и мира, духовная твердыня — Соловецкий монастырь» (Соловецкий патерик. С. 206).

⁷⁰ Валаамский монастырь. СПб., 1864. С. 260–291 (глава 4-я, раздел 5).

⁷¹ Указываем лишь некоторые имена из списка «угодников Соловецких», составленного архимандритом Досифеем (Немчиновым) в 1833 г., но не допущенного цензурой к печати (см.: «Историческое описание Соловецкого монастыря». — РНБ. Соловецкое собр. № 1055/1164. Л. 285–291 об.).

⁷² Основные биографические сведения об отце Николае Кошурникове были обнаружены нами в «послужных списках» соловецкой братии за 1854–1873 гг. Перечислим основные архивные источники: «Именные списки соловецкой братии» за 1854–1863 гг.: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5545-а (Л. 90, 94, 100, 108, 113, 120, 124, 130, 134, 140, 149). «Послужные списки» за 1865 г.: Там же. Оп. 4. Д. 793. Л. 20–22. «Послужные списки» за 1866 г.: Там же. Д. 798. Л. 7–8. «Послужные списки» за 1867 г.: Там же. Д. 804. Л. 6–8. «Послужные списки» за 1868 г.: Там же. Д. 806. Л. 5. «Послужные списки» за 1869 г.: Там же. Д. 809. Л. 6–7. «Послужные списки» за 1870 г.: Там же. Д. 812. Л. 7–9. «Послужные списки» за 1871 г.: Там же. Д. 815. Л. 6–8. «Послужные списки» за 1873 г.: Там же. Д. 821. Л. 6–8.

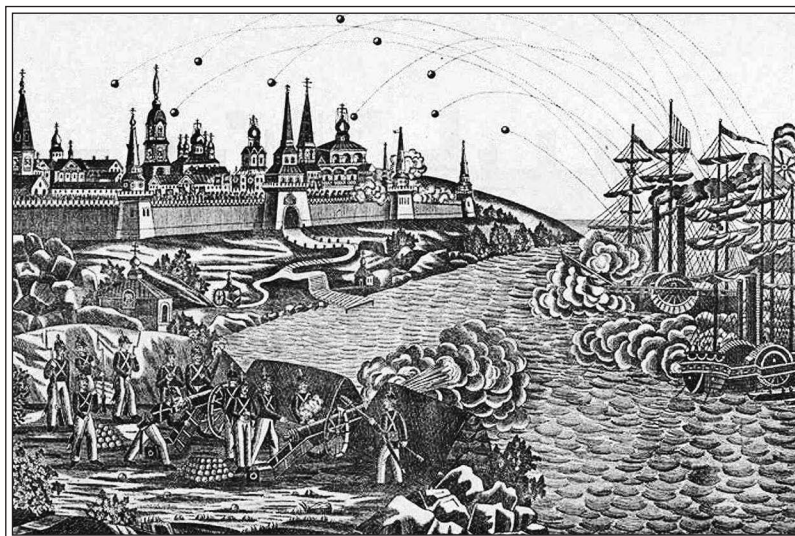
бы желалось». Поэтому, «следуя тайному влечению души»⁷³, он покинул мир и удалился на Соловки. Было это в 1845 г.

Поступив при архимандрите Димитрии в Соловецкий монастырь, он два года прослужил в нём трудником, со смирением перенеся превращение «из студента и наставника духовного училища в ложкукомья при братской трапезе»⁷⁴. В мае 1847 г. его включили в число послушников монастыря, но это не привнесло в его жизнь особых перемен. Он продолжал трудиться в различных монастырских послушаниях: то истопником при трапезной, то прислужником при пожилых старцах, то чтецом и певцом на клиросе, то церковным истопником.

Таким образом пройдя со смирением подготовительный искус к монашеству, он был удостоен, наконец, пострига с именем Николай, состоявшегося 21 мая 1850 г.

Строгое соблюдение им монашеских правил, образованность и певческая одарённость молодого инок были замечены старшей братией, и в том же году отец Николай был посвящён в сан иеродьякона (1850 г.), а через год — в иеромонаха (1851 г.).

Когда в октябре 1853 г. в монастырь прибыл новый настоятель, архимандрит Александр (Павлович), он с удивлением обнаружил, что почти вся здешняя братия происходит «из мужиков». Поэтому, недолго думая, он назначил иеромонаха Николая как человека дисциплинированного и образованного на должность монастырского благочинного, поручив ему следить за соблюдением устава и поведением братии. По воспоминаниям И.Я. Сырцова, отец Николай как нельзя лучше подходил для этой должности, поскольку и сам «был чистосердечно предан строгому исполнению монастырских правил и обычаев, и малейшее уклонение от них почитал преступлением пред Богом и соловецкими чудотворцами. По должности благочинного он требовал и от других строгого исполнения устава, и в особенности от тех, которые, за недавним поступлением в монастырь, не вполне ещё усвоили дух иноческой жизни. Но требования его выражались не в форме приказаний начальника, а в отеческих

Нападение англичан на Соловецкий монастырь. Литография Е. Яковлева XIX в.

внушениях и наставлениях. Он не был ни строг, ни вспыльчив, и, кажется, совершенно не способен был сердиться на кого-либо. Не говорил лишнего, особенно пустого, редко улыбался; но всегда ровный, на словах и на деле, и несколько, на вид, так сказать, важный, невольно привлекал к себе любовь и уважение от братии»⁷⁵.

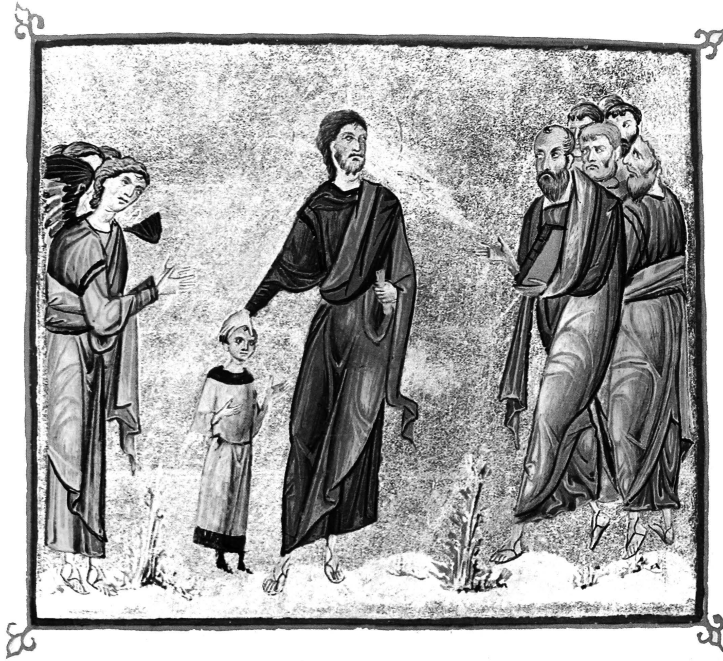
Уже на следующий год отец Николай в полной мере оправдал доверие архимандрита Александра, проявив себя с лучшей стороны во время нападения англичан на Соловецкий монастырь в июле 1854 г. По свидетельству одного из авторов «Исторического описания Соловецкого монастыря» 6 и 7 июля, во время боевых действий, он был одним из ближайших помощников соловецкого архимандрита, ведя наблюдение «за ходом всей обороны монастыря» и своевременно докладывая ему об обстановке⁷⁶. Более подробный рассказ о ратных подвигах отца Николая сохранился в воспоминаниях И.Я. Сырцова: «Отец Николай как благочинный всегда к стати успевал быть и в храме на общей молитве, и в духовном соборе на совещаниях, и в монастыре между братией и богомольцами, готовя их к обороне монастыря, и, наконец, на батареях, между нижними чинами, помогая им и словом и делом. В ночь на 7 июля, он с наместником, иеромонахом Матфеем, и унтер-офицером Крыловым, своими руками строил новую каменную батарею, пред глазами неприятеля. 7 июля, во время жаркого бомбардирования, ходил на батареи с образом

⁷⁵ Там же. С. 214.

⁷⁶ «За ходом всей обороны монастыря непрерывно наблюдали и ежеминутно доносили настоятелю о положении дел наместник иеромонах Матфей и благочинный иеромонах Николай» (Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первокласского Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 277).

⁷³ Это выражение несколько раз встречается в рассказах «Соловецкого патерика».

⁷⁴ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 212.

Иисус благословляет детей. Византия, XI в. Афон, монастырь Дионисиат

и святою водой, для благословенья и окропления ратников. В тот же день, около 5 часов вечера, когда о. Николай стоял на ограде монастырской, рассуждая с наместником о мерах защиты, над его головой пронеслось то 96-ти фунтовое ядро, которое пронзило насквозь образ Божией Матери, стоящий над входом в Преображенский храм»⁷⁷. За проявленное им мужество отец Николай был впоследствии награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Но, пожалуй, одним из главных его деяний в Соловецком монастыре стали труды по созданию училища для «безбрадых трудников» — крестьянских детей-«годовиков», которых родители присылали потрудиться по обету на монастырь⁷⁸. Училище было создано в 1859 г. по инициативе нового настоятеля, архимандрита Порфирия (Карабиневича), вскоре после его прибытия на Соловки. Но главным двигателем в воплощении этого проекта стал иеромонах Николай. Имея опыт преподавания в уездном училище, он написал, по благословению настоятеля, программу обучения учеников, составил распорядок их

⁷⁷ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 213–214 (см. также: Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1902. С. 77).

⁷⁸ См. об этом подробнее: Порфирий (Карабиневич), архим. Училище для крестьянских детей при Соловецком монастыре // Странник. СПб., 1861. Декабрь. С. 211–214; Осипенко М.В., Малахова И.В. Архимандрит Порфирий (1859–1865 гг.) // Соловецкое море». № 7. 2008. С. 119–120; Волкова Е.В. Соловецкий монастырь в воспоминаниях паломников и трудников (по материалам историко-этнографических экспедиций СГИАПМЗ) // Соловецкое море». № 10. 2011. С. 106–110.

жизни в монастыре и рекомендовал в наставники наиболее способных из братии⁷⁹.

Как вспоминал об этом И.Я. Сырцов: «В самом же начале училище, благодаря усердию и умению о. Николая, было приведено в такое цветущее состояние, которое превосходило надежды о. Порфирия. Отец архимандрит не мог нарадоваться, не знал, как благодарить о. Николая за осуществление его планов. И действительно, было чему радоваться. До этого времени дети-богомольцы, проживая в монастыре в одном доме с богомольцами-мужиками, не отличающимися иногда ни опрятностью, ни нравственностью, сами привыкли к тому же, — что было очевидно для всякого. Теперь дети стали жить в отдельном от взрослых доме, по три — по четыре человека в комнате, ходили в чистой одежде, молились утром

и вечером, не бродили попрежнему беспорядочно по монастырю, стояли в храме стройными рядами, и наконец обучались грамоте и началам религиозно-нравственной жизни!...»⁸⁰

Будучи педагогом по призванию, отец Николай вёл занятия с учениками 2-го класса, уже знающими начальную грамоту. Он преподавал им Закон Божий, Священную историю, историю гражданскую и географию. Любя своё дело и учеников, он обладал редким умением делиться с ними духовным опытом в форме простой и доверительной беседы.

Об этом также вспоминал впоследствии И.Я. Сырцов: «Замечателен был самый способ преподавания наук, которого держался о. Николай. Это была благочестивая беседа отца с детьми. Вот как велась она: сначала о. Николай что-нибудь прочитает из св. Писания или из истории, растолкует; вслед за этим начинает предлагать мальчикам вопросы из прочитанного; дети отвечают, и в свою очередь дают ему вопросы. Лишь только о. Николай замечал, что для мальчиков становится утомительно серьёзная беседа, он тотчас прочитает им, или расскажет что-нибудь из быта крестьян, — и беседа снова оживлялась: каждый из детей рассказывает что-нибудь из своих наблюдений и опытов жизни, а о. Николай из их рассказов выводит заключение и прилагает наставление, как нужно следовать добрым примерам

⁷⁹ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 215.

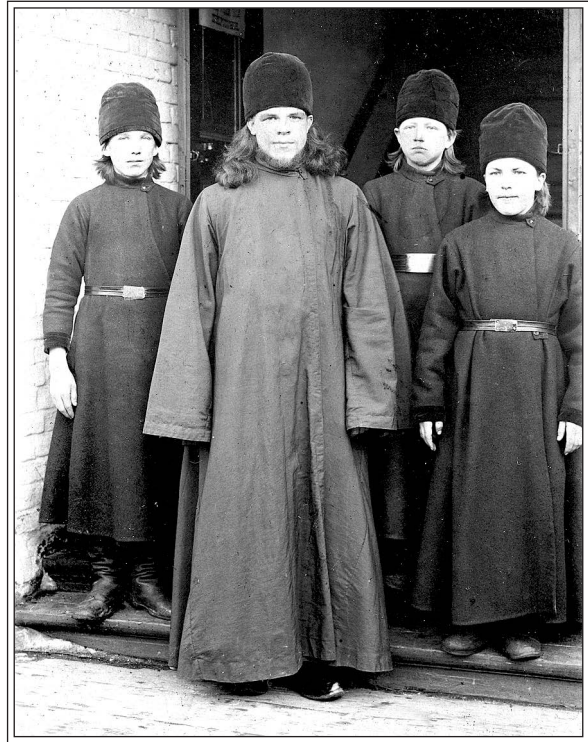
⁸⁰ Там же. С. 215.

и избегать худых. Наскучила и эта беседа, — начинается общее пение молитв и псалмов; пение было хотя иногда не совсем стройное, зато всегда задушевное. Принудительных каких-либо мер при обучении детей у о. Николая не было и в помине. Бывало даже, когда утомлённый дневными трудами мальчик заснёт в классе, о. Николай не только сам не разбудит его, а ещё велит другим мальчикам сидеть осторожнее, чтобы не разбудить спящего. За эту простоту, отеческую любовь и снисходительность мальчики искренно любили своего учителя». «В этом духе, прибавляет мемуарист, о. Николай воспитывал детей — соловецких богомольцев — в течение 16 лет»⁸¹.

Впрочем, созданное им училище не всегда переживало столь благоприятные времена. Как вспоминал Сырцов, «по смерти о. Порфирия, бывали времена, когда училищу грозила опасность быть закрытым; в это время о. Николай был единственною поддержкою его и не только не допустил до закрытия, но и сохранил в нём, насколько было возможно, прежний порядок. <...> Усердие его к училищу было таково, что ни неблагоприятная погода, ни посторонние дела, ни телесные недуги не были в состоянии удержать его от ежедневных посещений училища»⁸². Чтобы сохранить установленный порядок, ему, по-видимому, приходилось порой даже вступать в споры с новым настоятелем монастыря архимандритом Феофаном (1865–1871), на что отец Николай имел полное право, будучи членом Учреждённого собора (органа коллективного управления монастырём)⁸³. Отголоски их взаимных разногласий сохранились в некоторых характеристиках отца Николая, данных ему архимандритом Феофаном в 1867 и 1869–1870 гг.⁸⁴ Например, в 1867 г. соловецкий настоятель дал ему следующую аттестацию: «Качество хороших, к послушаниям способен», но позже добавил другими чернилами: «но по неблагонамеренности не столько полезен, сколько

Ученики соловецкого училища для трудников. Фото нач. XX в.

вреденъ какъ для училища, такъ и совѣщаний въ учреждѣнномъ Соборѣ».⁸⁵ Эта характеристика резко отличается от всех других оценок его деятельности, данных соловецкими настоятелями за годы пребывания его в монастыре.⁸⁶ Приведём для сравнения ещё две характеристики, полученные отцом Николаем у разных настоятелей: «Весьма хорошихъ качествъ, къ послушаниямъ очень способенъ и ревностенъ»⁸⁷; «Качество хорошихъ, къ послушаниямъ способенъ и для училища полезенъ и усерденъ»⁸⁸. (Первую из них дал ему архимандрит Порфирий в 1861 г., а вторую написал сам архимандрит Феофан в 1866 г.).

Как уже было отмечено, в 1866 г. отец Николай был назначен членом Учреждённого собора, «где голос его, как голос человека образованного, умного и опытного, ценился высоко», и где на него нередко возлагались обязанности «по письменным делам собора». Как вспоминал впоследствии И.Я. Сырцов, «не раз о. Николаю были предлагаемы и более почётные должности в монастыре, каковы: должность казначея и наместника. Но он был не честолюбив и всегда

⁸¹ Там же. С. 216.

⁸² Там же. С. 215–216.

⁸³ В Учреждённый собор, созданный в 1865 г. указом Синода, входили высшие должностные лица монастыря: настоятель, наместник, казначей, благочинный, ризничий и духовник (см.: История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 222–225). В 1866 г. в Учреждённый собор был введён и отец Николай как смотритель училища. Соответствующая запись была сделана в его «послужном списке» за 1866 г.: «По указу Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы от 9-го Августа 1866 года за № 900 определенъ присутствующимъ Членомъ въ Учреждѣнномъ Соловецкомъ Соборѣ въ званіи Смотрителя Училища. 1866 Августа 9» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 798. Л. 8).

⁸⁴ Соловецкие настоятели обязаны были ежегодно давать характеристику личных качеств каждого из монахов, записывая их в «послужных списках» монашествующей братии.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 804. Л. 6.

⁸⁶ Абсолютно положительным образом его характеризовали все другие соловецкие настоятели: архим. Димитрий (1850 и 1851), архим. Александр (1853–1856), архим. Мельхиседек (1857–1858), архим. Порфирий (1859–1863) и архим. Феоодсий (1871 и 1873).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5545-а. Л. 134.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 804. Л. 6.

В монашеской келье. Фото нач. XX в.

уклонялся от этих, хотя и почётных, должностей, к которым не чувствовал в себе особенного призвания. В начале 60-х годов он отказался даже от должности монастырского благочинного, потому что она мешала ему заниматься во вновь открытом училище. От должности смотрителя училища и от церковного пения только не хотел о. Николай отказываться, потому что здесь чувствовал себя как бы на своём месте»⁸⁹.

Пение в соборном храме на клиросе было одним из любимых послушаний отца Николая, которое он нёс добровольно более 25 лет. В воспоминаниях И.Я. Сырцова сохранилось замечательное описание того, с каким чувством отец Николай исполнял своё клиросное послушание: «Сам он в это время превращался весь в слух и внимание; целые часы не взглянет ни в одну сторону, устремив свой взор исключительно к алтарю Господню; целые часы не пошевелится, не переступит с ноги на ногу, не вымолвит ни одного слова, — то же делали иногда, именно из уважения к нему, и все участвующие в пении. Но о. Николай не для этого только стоял на клиросе: он пел вместе с другими, быть может усерднее других, потому что пел с сознанием, по искренней любви к славе Божией. Можно думать, что он по временам увлекался славословием Бога до того, что забывал о всём существующем на земле. До мелких подробностей усвоив церковный устав и соловецкий напев, он, по-видимому, боялся опустить из них даже одну йоту. Выводя

старческим, несколько резким, но очень приятным голосом, высокие ноты, он как будто хотел, чтобы его услышали самые небожители»⁹⁰.

Не имея под рукой кисти и красок, И.Я. Сырцов всё же сумел живописным словом передать живые детали облика отца Николая, сохранив для потомков его запоминающийся портрет: «И как было умирительно смотреть на почтенного старца, когда он, отличающийся от других и ростом и симпатичною наружностью, украшенный крестами и славою добродетелей, выходил во главе многочисленного иноческого хора на средину храма и первый начинал возвышать свой голос к славословию Божию!»⁹¹

Наконец, следует сказать ещё об одном духовном даре отца Николая, тесно связанном с его литературной деятельностью: он был наделён талантом проповедника. По воспоминаниям И.Я. Сырцова, архимандрит Порфирий нередко поручал ему произносить церковные проповеди перед братией в воскресные и праздничные дни⁹². Им же было сказано прощальное слово над гробом самого архимандрита Порфирия, наполненное светлой мыслью и чувством⁹³.

Вспоминая о домашней обстановке отца Николая, И.Я. Сырцов изображает её как жилище учёного монаха: «Небольшая келья его украшалась только несколькими образами, тремя кожаными стульями, двумя деревянными столами и шкафом с книгами». В ней не было ничего лишнего: все доходы, которые он получал из монастырской казны, он отдавал на благотворительность без остатка⁹⁴.

Скончался отец Николай 10 января 1874 г., после долгой болезни, в возрасте 53 лет.

К счастью, он ещё успел застать выход «Соловецкого патерика», о чём также сохранилось воспоминание И. Я. Сырцова: «Когда была получена о. Николаем первая книжка „Патерика“, он несколько раз прочитал её, восхищаясь подвигами соловецких святых иноков. „Вот как жили наши предки“, — бывало, говорил мне о. Николай, прочитавши что-нибудь из Патерика, — „а мы так ли живём?“»⁹⁵

⁹⁰ Там же. С. 217.

⁹¹ Там же. С. 217–218.

⁹² Там же. С. 218.

⁹³ Текст надгробного слова сохранился благодаря публикации его в журнале «Духовная беседа» в 1865 г. (см.: Николай, иеромонах. Слово, сказанное при погребении архимандрита Порфирия, настоятеля Соловецкого монастыря // Духовная беседа. 1865. № 36. С. 523–528). Сердечно благодарю монахиню Никону (Осипенко), приславшую мне его копию.

⁹⁴ Сырцов И.Я. Иеромонах Николай... С. 220.

⁹⁵ Там же. С. 219.

⁸⁹ Сырцов И. Я. Иеромонах Николай... С. 214–215.

***

В заключение подведём итоги нашего исследования. Издание «Соловецкого патерика» (1873) появилось в результате совместной работы соловецких книжников и петербургского церковного литератора Н.В. Елагина над другим масштабным проектом, к сожалению, так и не состоявшимся, — многотомной «Историей Соловецкого монастыря». Замысел этого труда родился ещё в 1863 г., при архимандрите Порфирии (Карабиневице), который и должен был стать основным автором задуманного издания.

Однако воплотить этот замысел, и то лишь отчасти, довелось другому соловецкому автору — иеромонаху Николаю (Кошурникову), наставнику соловецкого училища для крестьянских детей. Именно он сыграл основную роль в подготовке материалов для «Соловецкого патерика» и написал 13 новых рассказов о соловецких подвижниках XIX в. (вошедших во 2-ю часть книги). Содержание их свидетельствует о ярком литературном таланте их автора. Завершающую работу по составлению и редактированию «Соловецкого патерика» выполнил его издатель — церковный литератор Н.В. Елагин, активно выступавший с позиций консерватизма.

Таким образом, это издание следует считать ещё одним, не известным ранее, звеном в ряду других масштабных проектов соловецкого архимандрита Порфирия (1859–1865), в котором в равной мере отразился дух эпохи великих реформ 60-х гг. XIX в. и идейной борьбы с ними⁹⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Послужные списки» соловецкой братии 1865 г.: Выписка об отце Николае (Кошурникове)⁹⁷

Иеромонахъ Николай, [доб. карандашом:
Строитель Училища]. 44 года.

Кончилъ курсъ въ Вятской Духовной Семинарии со степенью студента и былъ учителемъ съ 1840 по 1845 годы въ Уѣздномъ Училище.

[*Ответ на вопрос: «Какихъ качествъ и способенъ ли къ послушаніямъ?» написан почерком*

⁹⁶ Преобразовательной деятельности архимандрита Порфирия в Соловецком монастыре посвящён целый ряд статей, опубликованных на страницах «Соловецкого моря»: Сырцов И.Я. Пятидесятилетие соловецкого пароходства / Подгот. текста В.Н. Матонина, М.А. Смирновой // Соловецкое море. 2005. Вып. 4. С. 15–23; Осипенко М.В., Малахова И. В. Архимандрит Порфирий (1859–1865 гг.) // Соловецкое море. 2008. Вып. 7. С. 115–128; Лаушкин А.В., Рапенкова С.В. Свет Секирной горы // Соловецкое море. 2012. Вып. 11. С. 33–35. См. также: Осипенко М.В. Соловецкая обитель: история и святыни: Книга паломника. Соловки, 2014. С. 234–252.

⁹⁷ Текст публикуется по рукописи, хранящейся в РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 793 (Л. 20–22).

архимандрита Феофана:] Очень хорошихъ качествъ, къ послушаніямъ способенъ, усерденъ и полезенъ для училища.

Вятской губернии Слободскаго уѣзда дьяческій сынъ, въ мирѣ именовался Никаноръ Ивановъ Кошурниковъ, холостъ, постриженъ въ монашество 21-го Мая 1850 года въ Соловецкомъ монастырѣ.

По прошении его и по увольнении Вятскою Духовною Консисториею принять въ послушники Соловецкаго монастыря 1847 Мая 26.

А живётъ въ обители съ 1845 года.

Произведенъ въ Иеродиакона 1850 Июня 27.
въ Иеромонаха 1851 Августа 29.

Определёнъ къ исправленію должности Благодчиннаго 1853 Октября 6.

По Указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода за отлично усердную и полезную службу награжденъ набедренникомъ 1854 Июля 17.

За отличное исполнение своей обязанности во время происходившаго 6 и 7 числа Июля 1854-го года неприятельскаго нападения на Соловецкій монастырь Всемилоствѣйше награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгиевской лентѣ 1854 Июля 22.

Утвержденъ Благодчиннымъ 1854 Августа 22.

За отлично усердную и полезную службу по обязанности Наставника Соловецкой школы преподано благословение Святѣйшаго Синода, изъяснённое въ Указѣ Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы от 15 Мая 1862 года за № 517-м.

По прошению отъ должности Благодчиннаго уволенъ 1862 Сентября 18.

Въ качествѣ Старшаго Наставника Соловецкой школы преподаётъ ученикамъ Законъ Божій и Священную Историю, объясняя при томъ и по другимъ частямъ Священное писание.

Такимъ же образомъ преподаётъ Законъ Божій и Священную Историю нижнимъ чинамъ Соловецкой команды съ 1865 Генваря 15.

Имѣетъ бронзовый наперсный крестъ на Владимирской лентѣ и бронзовую медаль на Андреевской лентѣ за осаду Соловецкаго монастыря, установленныя в память 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ.

Панченко Олег Витальевич

Родился в 1963 г. в Запорожье. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома). Живет и работает в Петербурге. Занимается исследованием соловецкой агиографии и летописания, а также рукописного наследия соловецких книжников XV–XIX вв.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00845.

